

№ 483.

От Испарта.

С каждым днем все дальше вглубь истории уходит героическая эпоха борьбы с царизмом и его последышами—Корниловым, Красновым, Деникиным и другими вождями белогвардейщины.

С каждым днем таюť ряды старых борцов, непосредственных участников событий. Подрастающее поколение должно знать прошлое партии, революционную борьбу рабочего класса за Октябрь.

Товарищ Лиманский рисует начало борьбы за Советскую власть в Кубанской области. Одним из способов физического истребления противника являлось заложничество, начало которому на Кубани было положено белогвардейцами, а затем заложничество широко применялось как той, так и другой сторонами. Одним из первых заложников в числе других был и товарищ Лиманский.

Будучи заложником во вражеском стане, товарищ Лиманский имел возможность

наблюдать быт белогвардейщины, ее кровавый разгул и, в особенности, предательскую роль меньшевиков и эс-эров, которые оправдывались тем, „что вешаем не мы, а Корнилов“.

Желательно, чтобы воспоминания т. Лиманского побудили и других участников борьбы к тому, чтобы делиться своими воспоминаниями на страницах печати.

НАЧАЛО БОРЬБЫ.

После Октябрьского переворота в Екатеринодаре, местная большевистская организация приступила к созданию боевых дружин, Революционного Комитета и Красной гвардии. Необходимо было очистить Горсовет от меньшевиков, эс-эров и связаться с соседними городами: Новороссийском, Армавиром и рабочим районом — Тихорецкой.

Контр-революционные верхи казачества также не дремали и об'единяли вокруг себя казачество.

В ноябре происходил 1-ый Областной С'езд иногородних. Кубанская Законодательная Рада надеялась с помощью эс-эров и меньшевиков обработать и привлечь их на свою сторону. Она уже чувствовала и понимала, что если сейчас не договориться с иногородним населением, то вековые противоречия не замедлят сказаться при первом же столкновении. В то же время своими правами и землей делиться с иногородними казачьи верхи не собирались.

Выступившего от Законодательной Рады с приветствием сотника Филимонова, делегаты съезда встретили далеко недружелюбно. На его заявление: „нам, казакам, и вам, иногородним в настоящее тяжелое время не следовало бы обособляться“, — поднялся шум и раздались крики: „без наставлений“.

Зато иногородние солидаризировались с выступавшими от большевиков членами Горсовета т.т. Карякиным и Яном Полуяном. На заявление Карякина о том, что наши представители войсковым правительством арестовываются, раздались крики: „позор!“. Выступивший Ян Полуян говорил, что власть большевиков не „самочинна“, как заявляет председатель, а утверждена 2-ым съездом Советов и что требования партии большевиков о передаче земли трудящимся и прекращении бойни совпадают с требованием трудящихся масс.

На съезде, между большевиками и верхами казачества, меньшевиками и эс-эрами, борьба за иногородних закончилась принятием большевистской резолюции и сложением президиумом съезда своих полномочий. Часть делегатов заколебалась и пошла на компромисс. Другая же часть съезда, покинув его, объявила себя съездом иногородних и вынесла постановление:

„Создать на местах станичные советы, привлечь в них наибольшее число иногородних и провести выборы на Областной съезд Советов“. Для проведения постановлений в жизнь был избран Временный Исполком из 15 человек. Съезд Советов было постановлено созвать 23 января 1918 года. Этому съезду в назначенный срок не суждено было собраться, Покровским были арестованы: председатель временного Исполкома Янковский и его члены: Скворцов, Карякин, Лиманский и братья Яна Полуяна, Яков и Николай.

Как происходил арест.

В три часа ночи, под 8 января 1918 г. ко мне в окно и двери постучались.

— Кто там?

Послышалось с десятков грубых, пьяных голосов.

— Открывай, не откроешь, двери и окна поломаем.

Надо сказать, что занимаемую мною квартиру при желании, 5 человеками в течение четверти часа можно было совсем разнести по частям. Жена открыла дверь. Почти сбив ее с ног, один за другим ввалились в комнаты до 15 человек офицеров, руководимых сотником-лезгином. Сот-

ник с кинжалом в руках схватил меня за плечо и замахнулся, остановив руку, когда острое кинжала коснулось моей груди.

В то же время два офицера схватили меня за руки. Раздался плач детей и истерический крик жены и матери. Рылись во всех уголках, разбрасывая попадавшие им в руки не интересовавшие их предметы.

— Довольно, надо итти.

Мне было приказано одеться. На улице посадили меня в грузовик и окружив щетиною штыков привезли в штаб Покровского, и втолкнули в кабинет будущего генерала. Покровский сидел за письменным столом, уставленным бутылками вин, коньяка, наливки, шампанского, простой русской водки.

Оглядевшись по сторонам, я увидел стоящего у стены бледного Янковского, окруженного дулами винтовок, направленных на него юнкерами. „Генерал“ мутными глазами посмотрел на меня, затем на стоявшего сзади офицера.

— Кто это?

— Господин атаман, это по вашему приказу арестованный Лиманский.

— Ага!.. многозначительно протянул атаман и едзя подняв руку отдал приказ — „отставить“. Винтовки, направленные на

Янковского исчезли за плечами у юнкеров.

— Ты его знаешь?—показывая на Янковского, спросил меня Покровский.

— Знаю,—ответил я.

— А ты его знаешь?—обращаясь к Янковскому:

— Знаю.

— Ты кто?—большевик?—спросил он меня.

Я ответил:

— Большевик.

— А ты?

Янковский ответил то же.

— Ага... оба большевики... ну, ребята, отведите их.

Подозвав одного из юнкеров, он сказал несколько слов ему на ухо, помотал в воздухе рукой и опрокинул в свою прожорливую глотку рюмку водки.

Я подумал: „приговор подписан“.

Вышли на улицу. Пройдя пол-квартала, неожиданно по приказу „генерала“ нас вернули обратно и водворили в одной из комнат штаба. Здесь же мы увидели Николая Полуяна, а скоро привели к нам Михаила Карякина и Якова Полуяна.

Организация контр-революционных сил.

С'езд иногородних не оправдал надежд Кубанского правительства. Верхам

казачества необходимо было определенное решение. Созвали совещание, на которое были приглашены: представители городской думы, во главе с городским головой, меньшевиком Адамовичем, комиссар временного правительства Бардиж, наказный атаман Кубанской области Филимонов, ген. Савицкий, присяжный поверенный Арандор, помощник прис. поверенного Вагнер и ряд других лиц. Главным вопросом совещания была борьба с большевиками. Решено было организовать отряд из казаков, офицеров и юнкеров, открыв запись добровольцев, желающих вступить в эти отряды.

Организацию же самих отрядов поручили будущему „генералу“ Покровскому, которого назвали атаманом всех войск по борьбе с большевиками. Как только разошлись делегаты съезда иногородних, Покровский не замедлил проявить свою силу и власть.

Начались аресты и расстрелы.

К этому времени приехал в Екатеринодар и ген. Лисовицкий, также принявший горячее участие в организации противобольшевистских отрядов. Между Покровским и Лисовицким завязалась конкуренция. Один стремился перещеголять другого в своих организаторских способностях.

Сидя под арестом в штабе Покровского приходилось видеть и узнавать, что делается в самом штабе и вне его. Общее впечатление было кошмарное. Приведу один случай.

Нас, арестованных, поместили в раздевальной, в конце парадной лестницы, на 2-ом этаже. Окно выходило во двор. От лестницы мы были отгорожены тонкой деревянной перегородкой, так что разговор на лестнице первого и второго этажей нам был слышен совершенно ясно. Внутри и снаружи охраняли нас часовые. Около 2-х часов ночи вбегает со стоном и плачем партизан. На вопрос дежурного, он, всхлипывая, жалуется, что его били большевики.

— Где?

— Там, на Сенной площади. Нас было 5 человек, рассказывает, а их человек 200, я убежал, а остальные—не знаю, наверное, убиты. Они собирались, кажется, идти сюда.

Дежурный доложил начальнику Сумахова. Всех подняли на ноги. В окнах, дверях и, кажется, на крыше начали устанавливать пулеметы. На Сенную площадь посланы были разведывательные отряды выяснить количество большевиков. Злополучный партизан сидел на лестнице, плакал, приговаривая:

— Пропали мы все. Придут большевики всех нас перебьют. Что нам делать!..

Возвратившиеся обратно с разведки, по разным улицам отряды, недалеко от штаба подняли стрельбу. Завязалась форменная перестрелка. Внутри здания, услышав стрельбу, подняли панику, часть бросилась к выходу, другая во внутрь здания. Суматоха, крики:

— Их много!

— Нужно бежать.

— Спасайтесь и т. д.

Наконец, раздался голос:

— Кто стреляет? Отзывайтесь черти! Кто?

В это время раздался выстрел внутри здания. Суматоха и крики еще больше усилились. Начальник отряда, не понимая в чем дело, принялся на всех кричать. Площадная брань его, подзатыльники посыпались на первого попавшегося. Все же, с большим трудом панически настроенных партизан привели в порядок. Успокоившись, выяснили, что на улице по ошибке за большевиков приняли своих и открыли по ним огонь. Главный виновник, сидя на лестнице, продолжал приговаривать:

— Пропали, пропали...

Когда дело дошло и до него, то оказалось, что он и его приятели сидели и пьянствовали в гостинице „Орел“ на Сен-

ной площади. Заспорив с сидевшими там торговцами базара, затеяли драку. Всех их забрали в участок, а „герой“ партизан убежал.

Таковы были вояки-партизаны Покровского.

Первые бои с большевиками.

По отрывочным фразам, движению по коридору и лестнице мы сделали вывод, что белые партизаны к чему-то готовятся. Так прошло несколько дней. Приблизительно числа 21-22 января 1918 г. под утро, в помещении штаба Покровского, наконец водворилась тишина. Изредка только проходивший мимо и часовой какой-нибудь офицер кратко обменивались ничего неговорившей фразой. Так прошел день и лишь к 5 час. вечера, движение, лязг оружия, стук опять усилились, с тем, чтобы к 10 час. ночи смениться полной тишиной.

Необычайная тишина на нас производила тягостное впечатление.

Мы решили, что Ян Полуян, выехавший в Новороссийск, когда мы были еще на свободе, для знакомства с местной организацией большевиков и разработки общего плана деятельности, по всей вероятности, услышав о нашем аресте, решил действовать. Это придавало нам кое-какую надежду. Тем не менее ночь и следующий день для

нас были весьма тягостными. К вечеру следующего дня в окно мы видели, как к подвальному помещению гнали отряды человек по 50 в каждом, видимо, пленных; по костюму это были иногородние, солдаты и рабочие. Из отрывков разговоров мы узнали, что был бой под Афипской и что белые разбили большевистские отряды, захватив в плен до 250 человек.

Состояние было мучительное.

Усугубилось оно еще больше на другой день. В коридоре здания в 2 шеренги выстроили партизан. Вывели нас и поставили в конце поперек шеренги, так, чтобы все нас видели. Генерал Улагай, расхаживая вдоль шеренги и показывая на нас пальцем говорил.

— Вот смотрите на эту сволочь, что они наделали. Натравили брата на брата. Сына на отца. Отца на сына и т. д.

В заключение сказал:

— Они думают, что нас победят. Нет, этого не будет. Верно я говорю?

— Верно,—отвечали партизаны.

— Вот видите сколько мы их забрали в плен, еще не столько будет!

— Постараемся,—отвечают партизаны.

— Так вот, мы эту сволочь сейчас расстреливать не будем, а выведем на суд народный, пусть их судит сам народ.

Народ действительно судил, только не нас, а их.

Поиздевавшись вдоволь над нами, нас перевели вниз в помещение, которое находилось рядом с подвалом, где находились пленные. Охрана состояла из юнкеров.

Военно-пленные.

Военно-пленных было действительно человек 250. По своему составу это были в большинстве своем иногородние—крестьяне, ремесленники, рабочие и лишь в небольшой части—казаки. Все они были из разных станиц Кубанской области: Афипской, Ново-Дмитриевской, Северской, Плоской, Абинской, Крымской, Славянской и Новороссийской. Первое время, несмотря на наше большое желание, нам никак не удавалось с ними сблизиться; только через несколько дней такой случай представился. Белогвардейцам нужно было сократить караулы и бросить на фронт максимум тех сил, которыми они обладали. Сократив нашу охрану, нас перевели в подвал к военнопленным.

Наше появление среди пленных, в первое время породило к нам недоверие—заподозрили нас в шпионстве. Больших усилий стоило расположить их к себе. С осторожностью они нам сообщили, что разбили

их под Афипской не потому, что они не смогли справиться с этой кучкой белогвардейцев, а потому, что их предал поручик Баранов, командовавший артиллерийским отрядом, под прикрытием которого они шли. Благодаря его измене снаряды ложились в расположения красновардейцев, которым пришлось разрывать свои цепи, чтобы меньше было жертв, отходить по разным направлениям. В результате, их частями захватывали белые. Из расспросов выяснилось, что отрядом командовал Яковлев, поручик-большевик, который был в упор убит белогвардейцами в тот момент, когда он сдерживал панически настроенную массу, воодушевляя ее своим геройством. Там же погибли поручики Серадзе и Перов, —жертвы предательства белогвардейца Баранова.

Нас особенно интересовал вопрос о Яне Полуяне, —где он и что делает. Удалось узнать только, что он находится в ст. Северской со штабом, дальнейшая же судьба никому не была известна.

„Генерал“ Покровский.

На другой день, после успешного боя с большевиками, Покровский торжественно въехал в г. Екатеринодар. Местные военные власти, городская дума, во главе с меньше-

виком Адамовичем, и городская буржуазия, устроили последнему торжественную встречу с хлебом-солью, приветствиями и речами, в которых благодарили Покровского за освобождение их от „насилльников большевиков“. Путь его осыпали цветами.

Вечером был устроен торжественный бал, на котором присутствовала вся городская знать с видными и „маловидными“ политическими деятелями—меньшевиками и эсэрами.

Все эти сведения мы получали от офицеров и юнкеров, охранявших нас, которые меняясь через каждые два часа, делились друг с другом впечатлениями, рассказывая до мельчайших подробностей, все что видели и слышали.

На другой день после бала, было устроено совещание военных властей с гражданскими, на котором и было решено преподнести Покровскому адрес и произвести его из штабс-капитана в полковники. Нарядостях, новоиспеченный полковник Покровский для своих партизан устроил обед, а вечером бал—в благодарность за оказанное ему внимание.

Что делать?

От военно-пленных перевели нас в помещение, бывшее упаковочным отделением

магазина, вполне гарантирующее невозможность попытки побега. Перед нами продолжал стоять вопрос: что нам делать?

А делать было больше нечего, как только ждать удобного случая к побегу.

Полковник Покровский, чтобы оправдать доверие буржуазии, проявил особую ретивость в деле уничтожения большевиков. Аресты усилились до такой степени, что арестовывали на базаре торговцев просто за то, что те не так отвечали тому или иному партизану, за то, что торговцы не уступали свой товар за ту сумму, какую давал партизан. Участились случаи арестов, приезжающих на базар крестьян, которые не отдавали соответствующих почестей проходившему мимо офицерству и за это обвинялись в большевизме. Развился шпионаж, началось сведение личных счетов.

Приход каждого нового арестованного говорил нам, что рост недовольства все больше и больше растет, что буржуазия становится все наглей и подлей.

От арестованных мы узнали, что по ночам и на заре за городом в разных местах происходят расстрелы. Нам стало ясно, куда уводили каждый день массу арестованных.

В углу, разговаривая с Карякиным, сидел Янковский, все время поглядывая

по направлению к двери. Новоприбывшие арестованные, рассказывали мне, что они слышали, будто-бы рабочие заводов организуют отряд, хотят ночью напасть на штаб Покровского и освободить арестованных. Это сообщение настолько повлияло на меня, что я чуть было не крикнул, что надежда есть, но, во время спохватившись, пошел к товарищам поделиться новостью. Но, когда я с ними заговорил, то они меня выругали, послав к черту и сказали „не мешай“. Янковский, что-то писал, а Карякин диктовал. Я отошел. Когда они кончили писать, позвали меня и прочли письмо к союзу полиграфического производства, с просьбой обратиться к гласным думы, которые должны потребовать от Покровского нашего освобождения (мы были гласными думы). Я, правда, отнесся к этому письму скептически, но подписал его.

Позже нам передали, что гласные ответили так: „что заработали, то пусть и получают“. Рабочие же действительно организовали дружину, но, за отсутствием руководителя, она распалась. Так или иначе ожидания наши не увенчались успехом, и мы остались при старом: что же делать?

Письмо все же имело свое значение, так как нас от общей камеры заключен-

ных через несколько дней изолировали. Перевели во второй этаж, в комнату с выходящим во двор окном. По соседству было помещение для караула. В коридоре часовые и дежурные, во дворе усиленный наружный караул. На крыше противоположного дома пулеметы с дежурными пулеметчиками. Обстановка утешительного нам ничего не говорила. Так тянулись дни за днями. Отсутствие движения и упадок энергии породили в нас вялость, слабость, появились и болезни. После врачебного осмотра нас стали выпускать на прогулку часа на два в день. Это ободрило нас. Гуляя по двору встречаясь с арестованными, мы имели возможность, узнавать кое-какие новости. Так мы узнали, что со стороны Кавказской и Тихорецкой ведется наступление большевистских отрядов и что белогвардейцы отступают на Екатеринодар.

Подобные сведения нас особенно ободряли и придавали больше энергии и сил. С каждым днем события развиваются, а мы ничего не знаем. Решили просить хотя-бы старых газет... Стали давать нам „Вольную Кубань“, орган Законодательной Рады.

По мере развития событий, складывавшихся не в пользу белогвардейцев, с

продвижением большевистских отрядов к городу Екатеринодару, нас лишили чтения и „Вольной Кубани“.

28 февраля, в 3 часа дня к нам в камеру вошел заведывающий хозяйством и сообщил „радостную“ для нас весть.

Начал так:—

„Сегодня вечером вас выведут на расстрел. Я был в Законодательной Раде и слышал, как там выносили решение В эту ночь мы отступаем из города, примите меры какие можно“.

Повернулся и вышел.

В первый момент мы ошолбенели, ничего не могли сообразить. Как молния, поразило нас это известие. Хотя мы и ожидали этого, но тем не менее неожиданность была тяжела. Прийдя немного в себя, мы стали совещаться. Единственное, что было возможно сделать, это—когда выведут на улицу, в рассыпную броситься всем бежать. Если удастся убежать—хорошо, а нет убьют все равно.

Покровский отступает.

Около 7-ми часов вечера в тот же день, когда уже начало темнеть, в камеру вошел офицер:—„Сейчас вас будут выводить. Мы знаем, что вы собираетесь бежать. Я вам

рекомендую этого не делать, никакой опасности вам не угрожает”.

В ответ на его заявление, Яков Полуян сказал:

— Нам известно, что вы ведете нас на расстрел, а поэтому расстреливайте нас здесь и незачем нас выводить куда-то.

— Вам ничто не угрожает, и ни один волос не спадет с вашей головы. Я вам даю свое честное слово, как социалист, а не офицер.

Уходя, он добавил:

— В этом вы убедитесь.

Несмотря на заверения офицера-„социалиста“, мы, тем не менее не изменили своего решения о побеге. Через 5 минут к дверям подошли конвоиры, приказали, вернее силой нас заставили, забрать вещи и выходить. Выйдя на улицу, мы убедились, что о побеге не может быть и речи. Нас, которых было 11 человек, окружили тесным кольцом, держа винтовки на изготовку, 50 человек конвоя, готового в любой момент стрелять. Пока нас строили парно, около меня и Якова Полуяна конвоир стал проверять свою винтовку, а другой рядом с ним закуривал, момент был удобный и им воспользовался Полуян. Бросив подушку и одеяло в третьего, стоявшего впереди, он сам скользнул между

2-х средних и пустился бежать по направлению к Красной улице. Нас же стиснули так, что нельзя было сдвинуться с места. Полуян бежал.

После нескольких безрезультатных выстрелов, нас повели по направлению к городскому саду. Подойдя к зданию атамана области, мы попали в запруженную обоими улицами. Для нас отчистили проход и повели дальше по направлению к железнодорожному мосту. Позади послышалась перестрелка, длившаяся минут 15. Затем слышны были только отдельные крики команды, да площадная брань около обозов.

Навстречу проехало несколько офицеров. Спросили, кто идет. Когда им ответили, что это арестованные, был отдан приказ отвести нас за мост и остановиться около дороги на Тахтамукайский аул, — что и было исполнено. К аулу шли медленно, останавливались. Впечатление было такое, что кого-то ожидали. Расстояние в 10 верст, шли мы 6 часов.

В ауле Тахтамукай нас оставили среди площади. Дул сильный ветер, сменившийся под утро морозом. Мы совершенно не были приспособлены к зимнему путешествию, некоторые были даже в одних рубашках и пальто.

Мимо нас беспрерывно взад и вперед сновали офицеры, полковники, генералы и гражданские чиновники всех рангов. Проходивший офицер, спросил у конвойных:

— Кто это здесь стоит?

— Арестованные, ваше благородие.

— Дураки, что ж вы тут стоите на дороге, отведите их в сторону, вон туда, пальцем указал на ворох камыша, зажгите костер и отогрейте их, а то они у вас заоченели.

У каждого из нас промелькнула ироническая улыбка: о нас заботятся!..

Конвоир разыскал начальника караула, передал ему распоряжение офицера и нас повели к указанному месту.

Место, где нас остановили, оказалось ямой приблизительно сажен до 10 диаметром и глубиной около 2 аршин. Нам „вежливо“ предложили жаловать в эту яму, пропуская по одному между стоявшими шеренгой конвойными. Начальник караула стоял впереди всех и командовал:

— Ну, сволочи, по команде: раз, два,— он прибавил самую площадную брань. Никто не решался итти первым. Наконец, Николай Полуян, со словами— „все равно, так или иначе“—пошел.

На него посыпались со всех сторон кулаки. Били по голове, в затылок, в спину, так, что он не шел, а бежал к яме, где и упал. За ним пошел Карякин, которого били не только по дороге, но в яме, били до тех пор, пока у него не пошла кровь изо рта и носа. За ним пошел Янковский. Хотя его ударили 2 раза, но он удержался на ногах. Пошел и я. Отделался также одним подзатыльником, но сила удара была такова, что я, будучи здоровее Янковского, едва удержался на ногах. Шапка моя очутилась на другой стороне ямы.

Посреди ямы разложили костер вокруг которого нам приказали лечь. Ослушников могла постичь такая же участь, как и Карякина. Все легли. Даже Карякин, более всех упорный, тоже лег,—может быть потому, что не мог ни стоять, ни сидеть. Оцепив нас тесным кольцом, стояли конвоиры. От нечего делать они начали нас ругать, с приправой крепких словечек. Подходившие офицеры, также принимали участие в этом развлечении и, конкурируя с рядовыми, подбирали „самые изысканные выражения“. Взошло солнце и чей-то голос, приказавший „строиться“ и итти по дороге в аул Ченжий, прервал это издевательство. Вышли из ямы, построили нас по двое, и, оцепив, повели в Ченжий.

Аул Ченжий.

По дороге в аул Ченжий тянулись обозы с разного рода вещами-военными, гражданскими и просто домашним скарбом. На возах сидели женщины, дети и старики. Обоз растянулся версты на 3-4 и напоминал собою движение переселенцев. По бокам ехали верховые всадники, впереди и позади шли пехотные части.

После пятичасового пути, 1 марта 1918 г. мы пришли в аул Ченжий. Остановили нас около здания местного правления. Жители вскоре вереницей потянулись к месту нашей стоянки. Окружив нас тесным кольцом, разглядывали, так, как будто никогда не видели рабочих.

Наблюдая за окружающей толпой, приходилось видеть сосредоточенно задумавшихся и просто любопытных. Были и злобно сверкавшие глаза. Часа через два, дав жителям насмотреться на нас, нас отвели во двор. Все это проделано было, видимо, с той целью, чтобы легче было подойти к населению, разжечь в нем враждебное чувство к большевикам и повести агитацию.

Как только нас отвели во двор, был открыт митинг. Выступил генерал Филимонов (наказный атаман Кубанской области). За ним выступали, как члены Законода-

тельной Рады: Быч, Рябовол и Макаренко. Все речи сводились к тому, что „вот, мол, граждане, смотрите, какие мы несчастные люди,—жили, исполняли заветы наших предков, исполняли волю правосудия и господню, а теперь пришли босяки-большевики. Люди, которые не смогли честным трудом нажить себе имущество, говорят, что мы их грабили. А посмотрите, что они делают, грабят нас, насилуют жен, храмы разоряют, грабят, вводят туда лошадей, дома жгут, всё уничтожают“... и т. д., и т. д.

Так длилось почти до вечера. Митинг разошелся, и нас перевели в каземат правления. Спустя полчаса, привели еще человек 30 арестованных, взятых тоже из Екатеринодара. Помещение каземата было маленькое, хотя и состояло из двух частей. В нем могло нормально поместиться 10-15 ч., а поместили человек 40. Уставшие за целые сутки, мы рассчитывали отдохнуть, но пришлось от этого отказаться. Почти все вынуждены были стоять. Лишь малая часть, скорчившись, сидела по углам. Ночь была мучительно-томительна, наступающий же день ничего хорошего не сулил.

Утром нам принесли горячую пищу, состоявшую из воды, от которой пахло барашком. Ложек нам не дали, и мы не могли есть, тем более, что нам заявили, что

через 10 минут нас выведут. Кое-кто начал пить воду через край железной ванны, в которой обыкновенно моют посуду.

— Суп ли это или бульон?

— Нет это просто помои от вымытых тарелок.

Многие, несмотря даже на то, что полтора дня ничего не ели, отказались от „бульона“.

В станицу Пензенскую.

Перед тем, как был отдан приказ итти, нам заявили:

— Кто чувствует, что не может итти пусть заявит об этом сейчас, а если кто будет заявлять об этом дорогой, тому будет хуже.

Что хуже и что лучше? Вообще мы не видели ничего хорошего. На заданный нам вопрос, мы не знали, как отвечать. Мы знали одно, что нам нужен удобный момент, чтобы бежать. Если же такого момента не будет, то нас в лучшем случае расстреляют, в худшем—повесят на первом попавшемся дереве.

Тем не менее Семенов заявил, что он итти не может. Он действительно много итти не мог, так как у него был туберкулез ноги.

Заявление Семенова вызвало ироническую улыбку начальника конвоя, который сказал:

— Хорошо, я доложу начальству.

По жестам начальника, которому он докладывал, видно было, что заявление никакого впечатления не произвело. Вернувшись, начальник конвоя сказал Семенову, что он наверное „наелся стекла“, потому итти не может.

— Ничего, пойдешь, а если не сможешь, так там много подвод,—подвезут.

Двинулись в путь.

Проходя по улице аула, мы видели стариков, женщин, детей, средних же лет мужчин и подростков, совершенно не было видно,—они исчезли. Ясно было, что их мобилизовали и двинули на фронт. Прошли аул, прошло еще около 3-х верст и уже подходили к лесу. Семенов заявил, что он дальше итти не может и стал просить начальника конвоя, чтобы его подвезли на проезжавшей мимо нас подводе, где сидел член Законодательной Рады (Семенов назвал его фамилию, но я не помню ее).

Начальник конвоя выругал Семенова отборными словами, но все-таки подехал к члену Рады и попросил его разрешения подвезти, на что тот ответил:

— Отведите его вон к тому кусту,— он указал пальцем на левую сторону дороги,—и пусть он там отдохнет. Поняли?

— Так точно, ваше высокоблагородие. Повернув к нам лошадь, он выбрал одного из конвоиров и приказал ему отвести Семенова к указанному кусту и оставить его там.

Семенова вывели из нашего строя, он кратко сказал.

— Прощайте!

Мы то же кратко и глупо ответили:

— Прощай,—и пошли дальше.

Нам было приказано не оглядываться. Конвоиры наши взяли винтовки на изготовку, как бы готовясь к штыковому бою. Тяжело было, и каждый думал о том, что не сейчас, так через час с каждым из нас может случиться то-же самое!...

Несмотря на приказ, я все-таки оглянулся назад. Семенов шел впереди, а за ним, держа винтовку наготове, шел его палач. Через некоторое время я еще раз оглянулся,—они были уже недалеко от куста. Дорога повернула вправо, я оглянулся еще раз, но увидеть ничего не смог, так как кустарник закрыл их. Послышались выстрелы. Конвой запел какую то веселую песню. Я посмотрел на шедших товарищей, на глазах у них блестели слезы. Всем было

жаль Семенова. Это была первая наша жертва в плену.

Через два часа мы вошли в ст. Пензенскую. Поместили нас сначала на площади, а затем перевели в каземат.

Семенов.

Семенова я знал с 1914 года. Сталкивался с ним, как с фабричным инспектором, по вопросам больничных касс. Рабочие очень часто обращались к Семенову, и он всегда оказывал им помощь, всячески их защищая. Администрация и предприниматели за это его не долюбливали. Сотрудничал он в издававшемся тов. Сединым журнале „Прикубанские степи“, писал статьи по вопросам рабочей, заводской жизни. По натуре своей был человеком очень добрым, мягким. По политическим убеждениям он называл себя украинским социал-демократом. В 1917 г., когда образовалась в Екатеринодаре украинская „Просвіта“, он записался ее членом, но вскоре заявив, что эта организация ничего общего с настоящим моментом не имеет и занимается филантропией, и ушел из нее. Часто бывал в обществе самостийных казачьих верхов, спорил с ними, в особенности, с Рябоволом и Макаренко.

После всех этих хождений и исканий Семенов пришел к нам, и заявил:

— Все это не то, что нужно, я всех обходил, со всеми говорил, и в конце концов пришел к вам. Одно мне только не нравится, что вы слишком резко действуете, немножко-бы надо мягче, тогда было бы лучше.

Для нас было ясно, что ему, как интеллигенту, действительно трудно было подойти к нам сразу.

Предстояли выборы в городскую думу и мы, составляя список кандидатов, вовсе не надеясь на наш успех, двадцатым, последним в списке поставили Семенова. Не рассчитывая, мы получили мест больше, чем мы имели в списке. Прошел и Семенов.

Работая, как гласный думы, Семенов очень часто в кулуарах спорил с меньшевиками, эс-эрами и кадетами, бывшими в то время в блоке. Выступая на заседаниях думы, поддерживал большевистскую платформу. Недели за две до нашего вывода из Екатеринодара, он был также посажен к нам. Расспрашивая его об общем положении, мы заинтересовались и причиной его ареста. Объяснил он ее кратко: поспорил с Макаренкой и Рябоволом.

Однажды я заметил, что Карякин и Янковский стали сторониться Семенова. Меня это немного смутило. Я обратился к Карякину с вопросом: что случилось? Он ответил, что не доверяет Семенову, что он постоянно лазил к этим Макаренко, Рябоволу и другим, болтал зря очень много, что, вероятно, часть вины в нашем аресте есть и в нем. Такие мысли Карякина привели нас всех в тяжелое состояние, и каждый из нас стал незаметно сторониться Семенова. Заметил это и он. Было видно, что он сам страшно тяготился таким положением. Эти отношения сохранились до аула Ченжий, это же и было причиной нашего короткого: „прощай“.

В Пензенской.

Каземат, куда нас поместили, состоял из одной большой комнаты, с окнами, выходящими во двор станичного управления. Через решетку было хорошо видно, что делалось во дворе и вблизи него. Начинался сход стариков. Члены Законодательной Рады, во главе с атаманом Филимоновым и Бычем, выступили с речами. Ругали большевиков, которые попирают их—казачьи—права, заветы отцов, дедов и что посягают на их имущество и т. д. В особенности на

этот раз очень много говорил Быч, призывая казаков и старых и молодых мобилизоваться для защиты казачьих земель. Сход кричал.

— Все пойдем, как один, а кто не пойдет с нами, тот большевик и ему нет места среди нас!

Все кричали, все говорили, так что Филимонов с трудом призвал сход к порядку.

Когда сход затих, Филимонов заявил:

— Нужно сейчас же мобилизовать 500 казаков-фронтовиков и 50 подвод для перевозки военного имущества.

Добавил, что все это нужно сделать к восходу солнца.

Во дворе, разбившись на несколько групп, старики сосредоточенно начали толковать. К ним подходили молодые казаки, женщины. Начались споры, кое-где завязалась ругань. Дошло до того, что некоторые из стариков, в сопровождении наших конвойных, забрали нескольких казаков на площади и препроводили их к нам в каземат. Привели человек 10. Затем начали приводить и из станицы. Привели 4-х иногородних.

Чадоян, обращаясь к казакам заявил:

— Ну, вот вам и наши комиссары.

Мы попытались с ними заговорить, но, видимо, боясь предательства, они молчали. Привели псаломщика, оказавшегося разговорчивым и мы узнали от него, кто эти четверо: один из них бондарь, другой сапожник, а двое—просто хлеборобы.

Агитировали против белых. Псаломщика взяли на допрос. Через час его привели обратно и взяли четырех иногородних. Один из казаков, проходя мимо меня, шепнул:

— Псаломщик выдал их, а я знаю, ребята они хорошие, а псаломщик дрянь—и нашим, и вашим.

Предупредив, чтобы мы с ним ничего не говорили,—отошел. Пока иногородние были на допросе, к нам добавили еще арестованных.

Среди них—молодой казак, на которого его-же отец заявил, что он, якобы, хотел его (отца) зарубить.

Из разговоров с арестованными было видно, что не все в станице сочувствуют белым, что большая часть относится к ним недоброжелательно. Почти до самого рассвета продолжались аресты, допросы, освобождения и новые аресты. Мы, уставшие, голодные, с большим трудом достав через казаков кусок хлеба и сала, подкрепили себя и пристроились в углу, решив хоть

немного уснуть. Приближался рассвет. Четырех иногородних от нас вывели. Тот казак, который мне шепнул о том, что их выдал псаломщик, теперь сказал, что их повели расстреливать. Больше мы их не видели.

С восходом солнца нас выстроили в колону и повели обратно в Ченжий. Всех арестованных казаков, за исключением молодого, освободили. Освободили также и псаломщика.

Опять Ченжий.

По дороге в Ченжий был арестован иногородний, торговец станицы Рязанской, Скрыпка, ехавший в ст. Калужскую.

В ауле Ченжий нас водворили в тот же каземат, Скрыпка с веселым видом сидел в нашей половине. Когда кто либо говорил о расстреле, то он смеялся и называл все это чепухой. На вопрос, почему он ехал в Калужскую, Скрыпка просто ответил:

— Ехал потому, что меня послали для разведки—выяснить силы и путь белых, доложить нашему штабу, стоящему в станице Рязанской, и связаться с Калужским отрядом. Возвращаясь обратно, я наскочил на их разведку и, несмотря на то, что представил им все документы, что я торговец, что я ехал за товаром, меня все-таки за-

держали, но я думаю, что меня освободят.

Наступили сумерки. Дверь камеры открылась и перед нами предстала фигура Чадояна. Раздался свирепый голос:

— Выходи.

Янковский и я стояли и пошли было первыми, но Чадоян остановил нас и стал выбирать сам. Отсчитал 14 человек.

— Довольно, ведите их на заседание, там будут снимать допрос.

Дверь закрылась. Через час дверь открылась снова. Чадоян отсчитал еще 14 человек. Нас осталось только семеро: Карякин, Янковский, Асаульченко, Лиманский, Игнатов, Полуян Николай и Селиванов.

Через час опять появилась фигура Чадояна.

— Заседание рассмотрело дело арестованных и нашло нужным их освободить, а вас семь человек оставить в качестве заложников.

Когда конвоир Михалев давал мне хлеб, я спросил его:

— Расстреляли?

Он, кивнув головой, тихо сказал:

— Да.

И так же тихо добавил:

— Двое спаслись.

Ч а д о я н.

Чадоян — начальник нашего конвоя. Конвой по существу был отрядом особого назначения. Чадоян — сын торговца станицы Усть-Лабинской. На войне он получил чин есаула, вернувшись с фронта, вступил в отряд Покровского и, чтобы скорее выслужиться, взял на себя роль начальника отряда особого назначения. В Екатеринодаре он отличался особенным зверством. Для него не нужно было особых приказаний, он понимал с одного взгляда свои обязанности — палача и с жертвой расправлялся с особым звериным наслаждением. Был отличным стрелком. Товарищ Асаульченко нам рассказывал, что проделал Чадоян на его глазах. На площади села Белая Глина расположился обоз белых. Посредине стояли арестованные крестьяне и рабочие-большевики, их было человек около ста. От нечего делать офицеры устроили своеобразную „джигитовку“. Арестованных заставляли бежать, а гарцующие офицеры и казаки нагнали их и рубили.

Привели несколько человек крестьян, поставили лицом к середине площади, на приличном расстоянии от повозок, где сидел Чадоян. Последний обратился к рядом сидевшим офицерам:

— Хотите я вам покажу искусство, как надо стрелять. Только вы смотрите, какая будет красота!

Не ожидая ответа, он взял свой карабин и, сидя в полуоборот на повозке, целясь в затылок, начал по порядку стрелять в крестьян. У жертв, после выстрела, действительно казалось, что череп вместе с волосами подымался кверху. Кончив, он обратился к офицерам:

— Видели! Вот как надо стрелять!

Наше заложничество.

Заложники — так заложники! Ничего не поделаешь! Принесли обед и ужин, которые вместе состояли из небольшого куса хлеба и кружки горячей воды. Усталые от всех мытарств, мы крепко уснули. Сколько мы спали — трудно сказать, но казалось, что этого было очень мало. Вывели снова. Связали попарно руки, выстроили и, оцепив, повели по улице.

Темная ночь. Я осматривал небо отыскивая полярную звезду, чтобы по ней хоть определить, в какую сторону нас ведут. Вместо обычного Чадояна, сопровождал нас член Рады. На душе было тяжело. Каждый думал, что вероятно, наступил и наш черед выполнить революционный долг, как выполнили его нака-

нуне 28 человек. Когда мы вышли из аула Ченжий, то заметили обоз и разговаривавших в полголоса людей. Кто-то спросил:

— Кто идет?

— Отряд особого назначения.

— С заложниками?

— Так точно, с заложниками.

— Так вот, идите по дороге к Дворянскому аулу, да смотрите, осторожнее.

Кто спасся?

Фролкин был солдат Самурского полка. До своего ареста генералом Лисовицким, он состоял членом Военно-Революционного Комитета и принимал горячее участие во всем революционном движении. Работая в канцелярии, держал связь и информировал нас о положении и настроении в воинских частях. Отряд Лисовицкого арестовал его, как заподозренного в неблагонадежности. Ходил он с нами в Пензенскую и обратно в Ченжий. О том, как он спасся из под расстрела, впоследствии он рассказывал сам следующее:

— Отвели нас версты на две за аул Ченжий и построили в шеренгу. Сбоку стоял молодой казак станицы Пензенской, тот самый, которого выдал отец. Я следил за командой, и когда должен был последовать

залп, за секунду упал, а на меня упал казак, который меня закрыл. Я лежал, не шевелясь, казак то же. Было слышно, как другие шевелились, стонавших добивали. Палачи ушли в аул, я захотел освободиться из-под казака, он то же зашевелился.

— Ты жив?

— Жив, только ранен в руку.

— Итти можешь?

— Могу.

— Бежим, а то они скоро могут вернуться.

Мы вскочили и побежали в близлежащий лесок, где и спрятались. Палачи действительно пришли вторично и расстреляли еще семь человек. Видимо, обнаружив отсутствие двоих из первой партии, бродили вокруг нее. Я боялся, что нас пойдут искать и обнаружат. Казак, как местный житель, знал каждый угол и он успокоил меня, сказав, что знает, где не найдут и мы направились к этому месту.

День мы просидели в яме, заброшенной хворостом. Ночью он направился в станицу Пензенскую. Я же двое суток бродил по горам и лесам, пока не выбрался на дорогу. Направился в Екатеринодар. На этот раз я попал к своим, но и эти чуть было не расстреляли, приняв меня за белого, едва упросил доставить меня в штаб. В штабе все люди новые, меня никто не знает.

На мое счастье оказался товарищ Ивницкий, который, узнав меня, взял к себе.

Вечером в Исполкоме, он, сделав доклад о своих и наших мытарствах, в заключение сказал, что нас расстреляли. Члены Исполкома спели похоронный марш и постановили: шесть недель всему Исполкому носить траур.

Так рассказывал Фролкин, когда пришлось с ним встретиться вторично.

Аул Саклакай (Дворянский).

Дорога шла по кособору. С правой стороны подымалась возвышенность, а с левой—косогор переходил в плавни, покрытые камышом и осокой и тянувшиеся на десятки верст. Расстояние до Дворянского аула было по прямой линии до десяти верст, но благодаря болотистой местности, оно удваивалось, если не утраивалось. Шли всю ночь. У расставленных по всей дороге пикетов раздавалось:

— Кто идет?

Выясняли, пропускали дальше.

В одном месте пришлось переходить болото, глубиною почти до колен.

Взошло солнце. Прошли мостик какой то речушки. Начали ухать орудия. Стали слышны в направлении ст. Пашковской пулеметы и ружейная перестрелка.

Под солнцем мы немного отогрелись. Снова пошли к болоту, ноги опять закочнели и дрожь охватила тело. На опушке леса были заметны следы батареи. Изброжденная снарядами земля говорила, что батарея была сбита со своей позиции. Недалеке стоял партизан с винтовкой. Подошли к нему.

— Где дорога в аул?

Показал.

— Что, нашу артиллерию сбили? Есть жертвы?

— Да, есть, двоих засыпало землей, откопали. Одного убило, двоих контузило.

У опушки леса нас заметили красные. Снаряды начали рваться один за другим. Конвой наш заволновался. Мелькнула мысль: „покончат с нами, а сами разбегутся“. Начальник конвоя скомандовал: „бегом“, пригрозив нам не останавливаться, пока не пройдем опасное место.

Во время бега мы согрелись, но устали еще больше. Только в глубоких канавах огорода мы были вне опасности.

Сели отдыхать.

Орудийная стрельба прекратилась. Отдыхая, строили планы о побеге ночью вплавь через Кубань. Оказалось, что из семи человек, умеют плавать только трое, но, тем не менее, решили попытаться бежать.

В ауле нас поместили в доме зажиточного черкеса. Дали за целые сутки немного супа с черствым хлебом.

Полуголодные, усталые, сговорившись о том, что тот, кто проснется, чтобы тихонько разбудил всех,—мы заснули.

Но... проснулись утром, когда рассвело, когда ходил уже кругом народ. В доме была суета.

О побеге нечего было и думать.

Аул Габукай (или Хатлукай)

Утром по той же самой дороге, но уже под начальством нового вахмистра, вышли мы из аула. Дорога лежала через то же самое болото, через которое мы уже раз проходили. Вахмистр наш стал возмущаться, поругивать начальников партизанского отряда и вообще их затею. Даже заявил, что уйдет к красным.

— Жалованье обещали платить,—не платят, ходишь весь оборванный и голодный.

Шлепая по воде, наш конвой замитинговал. Некоторые из нас, пользуясь случаем, предложили деньги, чтобы уйти вместе к красным. Обещали по тысяче рублей за каждого, как только придем в Екатеринодар.

К конвою я отнесся недоверчиво, т. к. слышал рассказы солдат и казаков о фельдфебелях и вахмистрах, которых называли не иначе, как „шкура“.

Действительно, вахмистр выслушав наши предложения, ехидно улыбнулся и презрительно посмотрел на нас. Резко переменяв тон, он оборвал митинг. Зычно скандовал:

— Стать по местам!

И мы пошли по новой дороге.

Всю дорогу до Габукай слушали мы насмешки по нашему адресу. Состояние было самое отвратительное, каждый из нас думал о том, чтобы скорей пришел какойнибудь конец...

Вечером мы пришли в Габукай. Остановились на улице. До тошноты хотелось есть. Но дневной наш торг с конвоем отбил всякую охоту к разговорам с ним.

Увидел меня знакомый инженер, ему разрешили переговорить со мной. Узнав, что мы голодны он заявил, что в отряде все голодают. Надеялись в этом ауле закупить продовольствие, но в каждом дворе получали категорический отказ.

— Мы люди бедные,—говорят,—у нас ничего нет.

Из этого мы сделали вывод о том, что население встретило „бродячее“ Кубанское правительство и партизан недружелюбно.

Это нас немного утешило.

Аул Панажукай.

Наступила ночь. На небе засверкали яркие звезды. К нам подошел Чадоян и заявил, что сейчас тронется обоз, и мы должны будем следовать за подводой отряда особого назначения. Через полчаса тронулись. Когда примкнули к подводе особого назначения, наш конвой сменился. При новом конвое нам стало легче. Обоз ехал шагом, иногда по долгу стоял, шли медленно, так как двигались всю ночь.

На заре подошли к аулу. Вдруг слышались, сначала одиночные выстрелы, затем пальба усилилась. Обоз стал. Впереди слышалась команда:

— Вперед!

С полчаса шла перестрелка, затем выстрелы стали удаляться и, наконец, все смолкло. Обоз двинулся вперед. В ауле нас водворили в саклю.

Не прошло и часа, как снова раздались выстрелы, но уже на другом конце аула. Завязался бой. Недалеко от нас поставили орудия. Бой усиливался. Почти беспрестанно, как с той, так и с другой сто-

рон громыхали орудия. Так длилось почти два часа. Наконец, орудия смолкли и только слышались отдаленные ружейные выстрелы.

Караул наш все время нервничал. Часто менялись посты, и каждый приходивший на смену говорил о том, что наступают красные, что трудно будет отбиться, что есть раненые и убитые, это артиллерия красных хорошо работает.

Хозяин нашей сакли, молодой черкес все время, то входил в саклю, то выходил во двор, искоса поглядывая на наш караул. У нашего караула закралось подозрение относительно его „благонадежности“. Его начали выпрашивать, но он, кое-как отделавшись от караула, вышел во двор и скрылся. Так мы его больше и не видели.

В полдень все стихло. Нам принесли по небольшому куску хлеба и горячей воды, чем и ограничилось наше питание почти за двое суток. Уснули. Разбудили нас шум и какая-то возня. Оказалось, что наш караул ругался с какой-то частью при делёжке барана. Из перебранки было видно, что баран „даром достался“.

Наступали сумерки. Часов около восьми вечера в саклю пришел Чадоян и сказал мне, что какой-то человек просит, чтоб я вышел к нему во двор.

Дрожь пробежала по всему телу. Промелькнула мысль:

— Значит я—первый...

— Кто спрашивает?

Смотря пристально на меня и, вероятно, заметив мое волнение, он успокаивающе сказал:

— Не беспокойся, с тобой ничего не случится, тебя действительно просит человек, фамилию его я не могу тебе сказать, так как мне это запрещено.

Я, взглянув, на своих товарищей, вышел.

Около сакли стоял человек. В темноте разглядеть лицо его я не мог. Подойдя ко мне, он спросил мою фамилию, Я назвался, и тогда он, отведя меня в сторону от Чадояна, сообщил следующее:

— Вы не беспокойтесь, о вас хлопочут очень многие, даже женщины, но имен их я вам сказать не могу, и мне поручено вам это передать.

Я поблагодарил его за сообщение и задал в свою очередь вопрос:

— Касается ли это сообщение только меня или же всех нас.

— Да касается всех, но вас в особенности,—ответил он. Спросил, хорошо ли мы себя чувствуем и не нуждаемся ли в чем либо. Я ответил, что в тех условиях, в ка-

ких мы находимся, вряд-ли можно говорить о хорошем самочувствии, сказал ему, что мы не видим пищи по двое-трое суток.

— Все это приму к сведению и по возможности, устрою—ответил он.

— Разрешите все же узнать, с кем я имею честь говорить?

— Вполне доверяя вам, могу сказать: полковник Мальцев. Моя миссия окончена.

Он поклонился, и мы разошлись.

Когда я вошел в саклю, Чадоян не упустил случая поиздеваться надо мною.

— Ну, что, боялся выходить, думал, что тебя шлепнут, а тут роман творится.

Мои товарищи вопросительно смотрели на меня, но я при Чадояне ничего не хотел говорить.

Отдав некоторые распоряжения, Чадоян вышел из сакли, захватил с собой одного караульного, который принес нам на ужин яиц, масла и хлеба. На этот раз за все время мы по человечески поели. Я сообщил товарищам во время ужина о моем разговоре с полковником Мальцевым. Разбирали мы его на все лады и уже собирались ложиться спать, как в саклю вошел дежурный по караулу и отдал приказание собираться в дорогу.

Дорога в неизвестном направлении.

Не менее часа шли мы по косогору. Обоз остановился, слышалось распоряжение.

— Огня не зажигать и не курить, — передайте по обозу.

Постояв с полчаса, свернули на проселочную дорогу и пошли к югу. Слышалась команда:

— Рысью, скорей!

Мы побежали за повозкой, снова отстали, сбились с дороги, конвой наш не знал, куда идти. Началась ругань, посыпались подзатыльники.

Навстречу попался верховой и, узнав, что идет отряд особого назначения с заложниками, выругал конвойного начальника и приказал идти за ним. В темноте нельзя было рассмотреть верхового. Минут через десять показались силуэты скирд соломы. Подходя к ним я споткнулся о труп человека... Обогнув скирды, мы примкнули к обозу.

Всю ночь двигались на юго-восток и в обратном направлении. Казалось, что мы кружимся на одном месте, как в заколдованном кругу.

Рассвело. Мы находились в степи, неподалеку от тех же скирд соломы, около

которых были ночью. Слышались отдельные выстрелы, но они скоро смолкли.

Тронулись опять на запад, затем свернули на юг к станции Калужской. Не доходя до хутора Чернявского, конный разезд заметив разведку красных, помчался за ней вдогонку, но не настиг.

Подошли к котловине, где протекала речка Чуп. Напротив по косогору, около опушки леса, задвигались точки, видно было, как они поднимались на гору.

Выдвинулась вперед пехота. Разбившись на две группы, пошли на гору, где видны были человеческие фигуры. Недалеко от нас разорвался снаряд. За ним другой, третий. Все они рвались высоко, не причиняя вреда. Артиллерийский огонь был направлен на нас. Пока мы дошли до опушки леса, разорвалось до 15-ти снарядов, приходилось несколько раз ложиться.

Завязался бой.

„Такали“ пулеметы, хлопали винтовочные выстрелы, но артиллерия смолкла. Звуки выстрелов все приближались к нам. Над нашими головами с неприятным звуком „пиу... пиу...“ пролетали пули.

Нам приказали лечь. Из обоза к нам прибежали несколько человек офицеров с винтовками, сменили караул и послали его в цепь. Пули стали летать чаще и ни-

же, некоторые бороздили землю, подымая пыль. Нас повели в котловину. Во время перехода впереди меня шел старик с винтовкой, по виду станичный атаман. Сначала он схватился за ногу, затем упал. Пуля раздробила ему кость ноги.

Спустившись в котловину, мы находились вне опасности, но звуки выстрелов раздавались все ближе и ближе.

Красные наседали. В обозе началась паника. Стали рвать документы, бумаги, которые тут же разносил ветер. Раздался плач женщин и детей.

Вот молодой человек, по виду интеллигент, бежит с револьвером в руке и кричит:

— Я не могу, я застрелюсь!

Никто, конечно, не обратил на него внимания.

Лица у всех стали бледны, озабочены, беспокойны, а выстрелы стали слышны с трех сторон, и все ближе и ближе.

Из обоза выделилась группа в 30 стариков разных чинов—от войсковых старшин до генералов. Построились в шеренгу.

Открыв беспорядочную стрельбу с криком „ура“, они бегом бросились на левый фланг.

За ними покатилося „ура“ по всему фронту, цепь красных дрогнула и стала отходить. Через час все стихло.

Какой то генерал подошел к нам, прилег на землю и завел с нами разговор:

—Ну, зачем воевать,—признали бы власть конституционной монархии, и воевать бы незачем. Так нет же—давай Советскую власть. А что она нам даст? Ничего.

Кто то из заложников не вытерпел:

— Не потому ли конституционная монархия лучше Советской власти, что вы сейчас одержали маленькую победу над красными?

— Вы, большевики, конечно, надеетесь, что вы победите. А мы вот, несколько человек стариков, вас тысячу человек погнали и еще будем гнать до самой Москвы. Это вы не забудьте, так оно и будет.

Генерал поднялся и ушел.

Ночь в лесу.

Бой кончился. День клонился к вечеру. Ни войска, ни обоз никуда не двигались, все остались на месте. По лагерю был отдан приказ—костров не разводить и не курить...

Сильный ветер, с каждым порывом дул все сильнее, и через час превратился

в ураган. Все потянулись в лес, повели туда и нас.

Деревья от ветра трещали и ломались, но каждый крепче прижимался к стволу. Пошел дождь, а затем и снег. Ветер стал понемногу стихать.

Мокрый, липкий снег покрыл землю. Наши часовые стояли закутавшись в бурки, а мы в своих шубах на „рыбьем меху“, прижавшись друг к другу, отбивали зубами дробь. Снегу навалило на пол-аршина, не которые часовые, кутаясь в бурки, легли на снег. Наконец, Николай Полуян, не вытерпел и полез к часовому под бурку, за ним последовал Карякин, который полез к другому, Селиванов—к третьему, Игнатов—к четвертому. Только я и Асаульченко остались,—нам было некуда скрыться, остальные часовые были в полущубках и продолжали стоять.

Снег продолжал сыпаться.

Мы с Асаульченко решили разостлать его пальто, а моим укрыться. Хоть и холодно было лежать, но все же теплее, чем стоять.

Утром перевели нас в сарай, разложили костер. Отогрелись. Принесли муки, Карякин стал месить тесто на полотенце, а я на золе печь пышки,—какие они были вкусные!

В обед нас повели в ст. Калужскую.

Станица Калужская.

9-ое марта. Солнце уже припекало. Снег быстро стаял и вода стояла на дорогах. К вечеру мы добрались до ст. Калужской. Поместили нас в теплом каземате, разделенном на две равные половины. В первый раз по выходе из Екатеринодара решили раздеться.

Караульные купили хлеба и сала, и мы утолили голод.

Во дворе станичного правления шел сбор.

Выступал с речью Филимонов.

— Казаки, вы видите,—говорил он,—насильники-большевики, изгнали избранное вами правительство из столицы Кубанского казачьего войска. Ваше правительство вынуждено теперь скитаться по станицам в поисках приюта. Призываю вас стать в ряды нашей армии на защиту наших законных, а теперь попранных прав, и т. д. в том же духе.

Митинг продолжался до темноты, а потом начались аресты. Двери нашего каземата были открыты, и мы видели арестованных все они были иногородние. Их водворяли в другую половину каземата. Я насчитал до 40 человек. Спросил карауль-

ного, где их помещают, неужели всех в другой половине?

— Там их, как сельдей в бочке напихали, не только сидеть, даже стоять негде, а воздух там, как откроют двери, так с ног сшибает,—ответил караульный.

Утром начался допрос арестованных. Против нашей двери находилась большая комната караула. Там сидели: прокурор Лукин и следователь Маевский. Лукин, ниже среднего роста, упитанный, с сильной проседью, напоминал помещика старых времен. Перед ним дневальный казак.

— Вводи по одному,—отдал распоряжение Лукин.

Вводят средних лет крестьянина (иногороднего):

— Ты большевик?—спрашивает Лукин.

— Никак нет.

— Врешь, сволочь!

— Никак нет.

— А фураж и довольствие давал большевикам?..

— Не дать, так они сами бы взяли...

— Врешь... дал, а теперь отказываешься... Сволочь!.. Пошел вон!..

— Давай другого.

И так до самого вечера.

Допрос закончился. Поднявшись со стула Лукин крикнул:

— Рас-стре-лять!

Как бы ожидая сочувственного отклика, посмотрел на следователя, на часового, затем на меня. Я сидел на нарах и был невольным свидетелем всего происходившего.

Обернувшись к следователю он крикнул:

— Отставить расстрел, дать им по сто плетей и выгнать в шею.

Я, не выдержав, заметил, что сто плетей равносильно расстрелу.

—...Да, да, верно... Отставить сто плетей,—дать по десять и выгнать к черту!

Лукин вышел.

Через десять минут вошел комендант с пятью казаками и началась порка.

Выпоротый благодарил „начальство“ и быстро уходил.

Через два дня из разговоров часовых я узнал, что почти все иногороднее население ушло в горы.

Визит Покровского.

В наше отделение каземата поместили двух арестованных офицеров. Арест их был связан якобы с распространением слухов среди партизанских отрядов о том, что Покровский хочет захватить золотой и серебряный запас, вывезенный из Екатеринодара,—по словам одних—около 15 мил-

лионов, по словам других до 50 миллионов, и с небольшой кучкой офицеров удрать в горы, где поделив „добычу“, распылиться.

Привели новых арестованных—четырех иногородних.

Вечером вошел в арестное помещение Покровский. Спросил дежурного о количестве арестованных. Последний, рапортуя, и указывая на нашу камеру, сказал:

— Здесь семь человек заложников и два офицера, арестованы по вашему распоряжению, в другом помещении находятся арестованные сегодня—четыре человека местных комиссаров.

Услыша слово „комиссары“, он сейчас же потребовал открыть ему дверь, за которой они находились. Выходя через несколько минут оттуда, Покровский отдал распоряжение, сегодня же вечером отвести их за станицу и оставить там.

Так как дверь нашего помещения была открыта, он завернул и к нам. Офицеры вскочили с нар, мы оставались на месте. Обращаясь к офицерам, Покровский произнес:

— А-а, вы здесь... Ну, как вы себя чувствуете?..

Офицеры были сконфужены.

— Ничего, ваше высокоблагородие.

— Да, я вижу, что ничего, и как вам не стыдно такие вещи говорить. А в особенности вам,—обратился он к офицеру лет 35-ти, старому кадровому офицеру. Это совсем никуда не годится.

— Ну, с вами мы скоро покончим.

За спиной Покровского появилась фигура Лукина

— Да—да, ваше высокоблагородие, у нас дела их уже подготовлены.

Покровский сделал полуоборот к Лукину. Тот напыжился в ожидании.

— Ваше превосходительство, моя просьба к вам ускорить это дело.

В Екатеринодаре, когда мы еще сидели в подвале, к нам раза два или три приходил Покровский. Он всегда самодовольно улыбался и спрашивал, как мы себя чувствуем. Так и в этот раз. Покончив разговор с офицерами, повернувшись к нам и самодовольно улыбаясь, спросил:

— Ну, а вы как себя чувствуете?

— Да, ничего, сидим, как и прежде, ответил кто-то.

— Скажите, господин Покровский, вы нас объявили заложниками, что-же нам то же будет суд, или просто без всякого суда, в одно прекрасное время покончите с нами,—задал я вопрос.

— Нет, о вас другой разговор. Вас будет судить народный суд, и вам еще долго придется сидеть. Вы, ведь, не те комиссары, которые сидят в том отделении. Вы немножко побольше их, а, впрочем... все будет зависеть от обстоятельств.

Он начал говорить о том, что гражданская война только начинается, что своих позиций они даром не сдадут, что свои права и свою жизнь они дорого отдадут, что пока мы, большевики, укрепимся, нас много будет перебито и перевешено.

— А если пойдем на Москву, а я в этом уверен, то будьте покойны,—от Екатеринодара до Москвы, будут сплошные виселицы,—добавил он.

Лукин, стоя сзади него, как попугай вторил:

— Да—да, мы им сукиным сынам, покажем!!! Покажем!

Карякин не преминул вступить в разговор.

— Всех не перевешаете. Будете вешать, так на вас тоже не будут смотреть, вас тоже будут уничтожать, если не одним, то другим способом.

Спор наш длился более получаса. Я заметил Покровскому:

— Все же идею классовой борьбы вы не убьете и не повесите. Гражданская вой-

на расширит кругозор широких масс, чем более жестока будет она, тем станет ясней ее смысл.

Карякин дополнил:

— Если победить нам и на этот раз не удастся, то на следующий раз победа над империализмом и капитализмом все равно будет обеспечена.

В это время Покровского позвали. Уходя от нас он произнес:

— Ну, ладно, посмотрим.

Лукин продолжал доказывать нам, что монархия—лучшая форма правления и что ее нужно восстановить, что тогда только будет порядок и будет хорошо. Но так как его никто не слушал, он поговорив немного, ушел.

После их ухода воцарилась тишина. Каждый думал. Тишину нарушил один из арестованных офицеров:

— Так, вы, заложники?

— Да, кто-то ответил.

— Удивительно, как он к вам относится... разговаривает. Это не в его привычке.

Было около десяти часов вечера. В арестное помещение вошли Чадоян и несколько вооруженных человек и увели комиссаров „на допрос“. Больше они не возвращались.

Утром зашел Лукин. Сидевшие с нами офицеры попросили его, чтобы он похлопотал, где нужно о переводе их в другое помещение. Мотивом выдвинули нежелание сидеть вместе с большевиками. Просьба их вскоре была удовлетворена, и мы остались одни.

Так мы прожили в станице Калужской дней шесть. Разнообразило сидение лишь то, что нас по очереди посылали варить обед для отряда особого назначения и для себя.

Однажды утром слышались крики и отдаленный гул. Мы насторожились, стали прислушиваться. Слышно было далекое „ура“... В коридоре станичного правления началась суета, отрывочные разговоры, все заторопилось. Охрана наша насторожилась. Послышалось несколько отдельных выстрелов. Не красные-ли?—подумал каждый из нас. Но все смолкло. Едва переводя дух, прибежали двое солдат отряда особого назначения и скороговоркой сообщали, о соединении с Корниловым, который прислал своих представителей.

— Ну, слава богу... теперь заживем, а то положение наше было пиковое. Кругом большевики, двинуться некуда, нас горсточка—каких-нибудь три тысячи человек, а их до ста тысяч, что мы с ними могли

сделать. Заклевали бы они нас, как цыплят. А теперь пусть попробуют, у Корнилова, говорят представители, до 12000, запасы снарядов, и патронов. А у нас, этого почти ничего нет...

Я посмотрел на товарищей, кто отворачивался в сторону, кто ворчал себе что-то под нос, а Карякин, поворачиваясь на бок, послал проклятие.

Во время варки обеда мы наслушались многого. Корнилов был превращен в легендарного героя. Одно было нам ясно—готовится наступление на Екатеринодар и месть тем, кто не пошел вместе с Радой скитаться по Закубанью.

Прошло два дня, и радостный, сияющий Чадоян сказал, чтобы мы готовились в дорогу.

Станица Ново-Дмитриевская.

Дорога пролегла по холмам и лощинам. Расстояние было хотя невелико, но дорога тяжела. От таявшего снега балки были переполнены водой, а обойти их было невозможно. Приходилось брести по воде. Конвой наш был частью конный, частью пеший. Во время перехода воды, на лошадей взбиралось по два-три человека. Мы же промокшие до костей, к концу нашего злосчастливого путешествия через эти балки,

которых я насчитал до 9-ти, окончательно замерзли.

В станице нас остановили на площади, по колена в грязи,—все выяснили, куда нас поместить. Станица была переполнена корниловцами и для нас с трудом отыскивали сарай. Вскоре за обладание и этим сараем началась борьба, нас вывели. По улице путешествовали мы до вечера. Наконец, дали халупу, к нашему счастью, с теплой русской печью и мы, высохнув в тепле, отдохнули.

Ночью привели арестованных. Карякину удалось узнать, что двое из них комиссары, один—военный, другой—продовольствия, а остальные двое—их помощники. Захватила их корниловская разведка, когда они ехали из Смоленской станицы на Северскую. Документы они уничтожили, и для выяснения личности их арестовали. Товарищи сообщали, что силы красных стягиваются в Екатеринодар, так как Корнилов готовит наступление. На вопрос, почему не была уничтожена партизанская банда Кубанского правительства, они ответили, что быстро растаял снег, дороги были все испорчены и продвижение было невозможным. К тому же все мосты белыми были разрушены. О нашем пребывании в качестве заложников у Краевого Кубанского

Правительства в армии ничего известно не было. Отношение населения к Советской власти было хорошим, многие записывались в армию, главным образом, крестьяне и рабочие, но были и казаки, которые большей частью пассивны.

Утром привели еще человек 15 арестованных крестьян из хутора Суповского.

— Тут и так тесно, вели бы их в правление,—заявил начальник караула.

— В правлении их битком набито, не только в арестном помещении, полно во всех коридорах и сараях,—послышалось в ответ.

Позднее караульный начальник рассказывал, что арестовано было свыше 100 человек.

— Что творится там—стоит посмотреть: Порют и плетью, и шомполами, даже бабыют—не щадят. В помещении плач, крик, стон, родственники на улице то же голосят: Готовят виселицы. Говорят, человек 14 повесят—главных комиссаров, которых сегодня утром во время боя захватили под ст. Смоленской.

В полдень, на площади около церкви, неожиданно разорвался снаряд, за ним другой, третий. Один попал в наш двор, убил теленка, стоявшего в загоне. Другой попал в сарай, где находились партизаны;

двоих убило и нескольких ранило. Началась паника, переселение на другой конец станицы.

Кубанская Законодательная Рада, помещавшаяся против нас, на другой стороне улицы, тоже разбежалась. Остался только сторож. Один из снарядов разорвался вблизи станичного правления и разогнал белогвардейское судилище. Пришло несколько человек из отряда особого назначения, забрали несколько арестованных, в том числе и двух комиссаров с помощниками, отвели их к кладбищу там и расстреляли.

Стрельба продолжалась до сумерок.

15 арестованных крестьян ночевали с нами. Утром их погнали поправлять мосты, делать насыпи через речки и балки для прохода войск. Вечером рассказывали, что бронепоезд красных, который стрелял по станице, стоит на путях и не может уйти, так как по обе стороны его разобран путь. Несколько попыток взять бронепоезд атаккой были отбиты. Отступали каждый раз с большими потерями.

Наступивший день был на диво теплый. Сильно грело солнце. Хотелось на воздух. Попросили разрешения выйти во двор. Стоя у забора, я увидел проходившего члена Кубанского правительства—

видного меньшевика и окликнул его. Он подошел.

— Никак соединились с Корниловым?—спросил я.

— Да-да, соединились, сейчас подписываем договор.

— А виселицы на площади строятся наверное для подкрепления этого договора?

Он стушевался, почувствовал себя неловко и конфузливо ответил.

— Это не мы, а Корнилов.

Он резко переменял разговор и извинившись, что ему некогда, распрощался.

На другой день были повешены, по одной версии 10 человек, по другой—12, а по третьей—14. Дело не в том сколько было повешено, а в том, что расправа была совершена после подписания „демократическим“ Кубанским краевым правительством эс-эров и меньшевиков договора с Корниловым о передаче ему всей полноты власти. Власть эту он и не замедлил проявить. Меньшевики и эс-эры могли оправдываться: вешали не они, они только помогали вешать.

Станция Афипская.

На заре следующего дня шли мы по дороге на Афипскую. Расстояние было невелико—семь верст, и с восходом солнца

мы были уже около станции Афипской. Грязь по колено, но тепло. Выбрав сухое место остановились и присели. Увидали мимо проезжавшую небольшую группу верховых офицеров,—генерал Марков с адъютантами.

Проезжая, они спросили:

— Что за отряд?

— Отряд особого назначения, с заложниками.

Марков приподнялся на седле:

— Какие там заложники! Никаких заложников не должно быть. К чертовой матери!—Он показал пальцем на железнодорожную арку.—Повесить их там, и доложите своему начальству, что я распорядился об этом.

Я, вспомнив Покровского, подумал:

— Вот и „народный суд“.

Подъехал Чадоян, и приказал следовать за ним. Ему доложили распоряжение генерала Маркова. К нашему удивлению он заявил, что генерал Марков не может распоряжаться заложниками, а распоряжается ими Кубанское правительство и Рада. Наш отряд—отряд Кубанского правительства, а не Корнилова и Маркова.

У ст. Афипской, не далеко от реки, нас обстрелял отрезанный белыми бронепоезд.

Отошли версты на три от станицы и над обозом стали рваться снаряды. Послышалась ружейная и пулеметная стрельба. Пехота, шедшая около обоза, выдвинувшись вперед, вступила в бой. Нас отвели в сторону, к кустам боярышника. Тут же стояли два раненых в руки офицера корниловского отряда. Когда узнали, что мы большевики, да еще заложники,—на нас посыпались проклятья и площадная брань.

К вечеру бой кончился, и мы опять тронулись в путь. На горизонте показались огни, словно пылали костры. Решили, что это большой военный лагерь. Костры казались близко, а подошли мы к ним через пять часов. Перед глазами открылась картина сплошного пожара двух почти смежных хуторов Ольгинского товарищества, дворов в пятьсот, если не больше.

Решили воспользоваться случаем и бежать. План был таков: уговорить конвой пойти по улице горящего хутора, часть товарищей должна была жертвуя собой, броситься обезоруживать караульных, а другая—бежать.

Но осуществить план не удалось. Неожиданно нас повернули к одиноко стоявшему сараю, где мы и просидели до рассвета.

С рассветом, мы проходили мимо горящих хат. Коровы, телята, лошади, куры, гуси со стороны кинулись к нам. Пока мы прошли первый хутор, они провожали нас с ржанием, мычанием и гоготанием до самого конца хутора.

Эта картина удручающе подействовала даже на наш конвой,—ведь они тоже крестьяне.

Подожгли к другому хутору. На краю хутора осталось пять-шесть дворов, уцелевших от пожара. Решили зайти и достать хлеба или молока. Янковский и я с четырьмя конвойными направились в ближайшую хату. В сенях головой к порогу, лежал с разрубленной головой крестьянин, дальше—трупы женщины и двоих детей.

Пошли к другой—хате. Там тоже трупы. Мы вернулись...

Упрекнув нас в том, что мы обращаем внимание на мертвых, — два человека из конвоя пошли и принесли два хлеба и ведро яиц.

В Шансугском ауле нас поместили в сакле.

На другой день, переправившись через Кубань, мы попали в станицу Елизаветинскую, известную своей контр-революционностью. В пути, из разговоров наших конвоиров, мы узнали, что хутора были

сожжены корниловскими черкесами в отместку, якобы, за разоренный хуторами аул.

Видно было по всему, что войска Корнилова и Кубанского правительства в станице были приняты хорошо. Озабоченно деловитая суета казаков, разодетые по праздничному женщины хлопотливо суетятся по дворам. Пока мы стояли на площади в ожидании дальнейших распоряжений, женщины, подростки и дети стали подходить к нашему отряду и с любопытством разглядывать нас. Одна казачка, не выдержав, спрашивает конвойных:

— А шо воно таке, що за люди?

— Заложники, большевики.

Глаза широко раскрылись и с недоумением стали смотреть то на конвой, то на нас. Бабы то же переглянувшись вопросительно друг с другом, протяжно повторили.

— Большевики!.. Та яки ж вони большевики, як вони таки ж люди, як и вси...

Янковский не вытерпел.

— А вам, наверное, говорили, что большевики с рогами. Такие же люди, как и все, разница только в том, что одни делают одно, а другие делают другое.

— Тоже дило делают—землю у козаків отбирають.

Появившийся Чадоян, крикнул на караульных:

— Что вы тут собрали около себя толпу? Разойдись!..

Бой за Краснодар.

Поместили нас в небольшой хатенке-закроме с цементным полом. Слышалась орудийная, пулеметная и ружейная стрельба. Вечером все стихло. На заре снова началась стрельба, но уже сильнее и ближе к станице, а к вечеру опять удалилась и смолкла.

Шел бой за Краснодар. Караул наш был усилен, около дверей стояли два часовых, в соседней комнате четыре и снаружи четыре. Такая охрана наводила нас на грустные размышления.

Некоторые товарищи предлагали бежать во чтобы то ни стало. Я с этим не соглашался, так как обстановка была не соответствовавшей, а быть убитыми или заколотым при первой же попытке было престо безрассудно.

Так прошло три мучительных дня. Стрельба то удалялась, то приближалась, но все сильнее и сильнее гремела артиллерия, от зари до зари шел почти сплошной орудийный гул. По словам нашей охраны, с обеих сторон работало до 63,

только 6 и 8 дюймовых орудий, до 300 пулеметов, до 40.000 штыков, 15.000 кавалерии и бронепоезда. Цифры эти почти отвечали действительности. Город был окружен белыми с трех сторон. Со стороны города в боях принимали участие не только мужчины, но и женщины и дети, подносившие своим отцам и братьям патроны и воду.

На четвертый день нас вывели из нашего помещения и ввели во двор коменданта штаба генерала Корнилова, где и сдали нас под расписку. Тут еще находилось человек 15 арестованных крестьян, захваченных с разных хуторов и священник ст. Афипской.

Прием был любезен, как и полагалось, по рангу:

— А.. а.. сволочь привели, туды вашу, растуды, мать... и т. д.

Янковский, который, повидимому, больше всех им понравился, получил удар в спину прикладом, так что шляпа с головы слетела, к этой „любезности“ была прибавлена „мать в душу“...

Усадили нас рядышком на лежавшее большое дерево у стены сарая. Брань и издевательство были прерваны появлением новых жертв. Один—высокий, стройный,

лет 30-ти, под глазами синяки, рубашка разорвана, лицо в крови.

Кто такой?

— Васильев, ад'ютант Сорокина.

— Где-ж вы его захватили?

— Были в дозоре, проехали верст 15 от линии, заметили, по дороге мчится автомобиль—мы в ложбину. Когда автомобиль стал под'езжать, начали стрелять, пробили шины. Автомобиль стал. Мы к нему, а он выскочив из автомобиля и, отстреливаясь, побежал. Догнали, чтобы больше не бегал, дали трепку. Другой,— его шоффер. Этот сидел на месте, не трогался пока не высадили.

— Молодцы, хорошего сазана поймали.

Сияющие казаки, улыбаясь отвечали,

— Рады стараться!

Васильева и шоффера отвели в помещение. Через некоторое время оттуда выскочил с криком шоффер, человека три кинулось туда. Дверь была открыта, слышалась возня.

— Что случилось?

— Мать их так, разве можно так обижать. У него остался перочинный маленький нож, ну он и хотел перерезать себе горло, насилу отняли.

— Зарезался?

— Да нет, поранился только. Связали, лежит.

Явился врач.

К вечеру стрельба стала реже. Нас перевели в дом. Присутствие в комнате двух офицеров, охранявших нас, не давало возможности поговорить с остальными арестованными.

Бой продолжается.

Перед зарей нас разбудил орудийный гул. Когда совсем рассветало, нас вывели во двор. Сидя на бревне, мы прислушались к стрельбе. Сплошной гул орудий, трескотня пулеметов и винтовок, говорили о том, что бой идет решительный. Нервная дрожь пробегала по телу при мысли о том, что наши могут проиграть бой.

Арестованных крестьян куда-то погнали.

К обеду они вернулись, и мы узнали, что они уже четыре дня роют могилы для убитых, что убитых очень много—не успевают засыпать, несмотря на то, что станица помогает. Раненые есть чуть не в каждой хате. Говорят, что сегодня собираются взять город, но едва-ли: сила там большая.

Весь день грохотали орудия и трещали пулеметы.

Под вечер стало тихо.

Когда совсем стемнело нас, заложников, и священника, оцепив тесным кольцом, повели по улице. Крестьян оставили. Мы вышли в степь. В стороне замаячили кладбищенские кресты...

Из темноты раздался голос:

— Да где же вы, черт вас подери, скорей идите, а то обоз тронулся.

— А где комендантские подводы?

— Здесь недалеко, нужно нагонять быстрее.

Почти бегом нагнали подводы. Идем, но куда: в город или от города, Да.. уходим от города. Радостно стало... отбили. Шагали за повозкой. Теперь уже не страшно. Чорт с вами, расстреливайте, вешайте, все равно вам грозит гибель!

Обоз двигался всю ночь, и лишь перед восходом солнца мы остановились около небольшого леса покормить лошадей.

Мимо нас прошел штаб армии: генералы Алексеев, Деникин, Романовский и другие. Поровнявшись с нами, один из штабных генералов подошел к Янковскому, не говоря ни слова, ударил его по щеке и быстро отойдя, злобно крикнул.

— Один-два перехода, и мы с вами кончим.

Часовые быстро оцепили нас. Не прошло и пяти минут, как над головами штабной группы разорвался снаряд.

— Высоко—надо бы ниже!

Поднялась суматоха. Двинулись поспешно обозы, а вслед им падал снаряд за снарядом.

Немецкая колония Долина.

Шли весь день без остановки. Кое-где обоз шел рысью, и нам приходилось, чтобы не отстать, бежать за подводами. К вечеру прибыли в Немецкую колонию. Обозы расположились по улице. Нас поместили в кирпичный сарай, где мы скоро и уснули.

В полдень послышались отдельные ружейные выстрелы. Разорвался снаряд... Послышалась команда:

— В цепь!.. Рота марш!..

Снаряды рвались все чаще и чаще, застучали пулеметы. В открытую дверь сарая нам была видна улица, обозы и здание штаба. Несколько повозок было разбито снарядом, были убитые и раненые. Один снаряд, попавший в угол здания штаба разорвался во дворе, убив лошадь. В обозе—паника. Столпившись в одну кучу, запрудили всю улицу. Стояла сплошная ружань. А снаряды все рвались и рвались.

Около нашего сарая собралась группа офицеров. Срывались безнадежные фразы:

— Чорт с ним, все равно погибать!

— Да, исхода нет...

— Вы посмотрите, какой обоз. Разве можно с таким обозом двигаться? Одних раненых возим с собой до трех тысяч. Ведь этак нас на каждой остановке будут лупить, а мы не сможем и отбиваться. На что-то нужно решиться. Нужно чем-то пожертвовать.

Некоторые стали подходить к дверям нашего сарая и с любопытством разглядывать нас. С разрешения часовых начали предлагать папиросы, сало, а некоторые — даже деньги. Начали нас спрашивать: давно ли мы арестованы, кто арестовал, когда взяты заложниками и т. д. Что-то их интересовало.

Снаряды рвались за окраиной колонии. По улице быстро проезжали обозы. Вошел штабс-капитан, начальник конвоя:

— Вы должны подготовиться сейчас к походу, один из вас останется здесь для защиты раненых, которых мы здесь оставляем. По распоряжению командующего армией Деникина останется Игнатов. Кто из вас Игнатов?

Он приказал Игнатову следовать за ним.

Оставшийся Игнатов, будучи уже на свободе рассказывал мне:

— Переночевав у немца в доме, согласно инструкции, я утром направился к старшине, который и должен был дать дальнейшие указания. Старшина скрылся. Бродил я по улице расспрашивая жителей о старшине, о раненых, пока один из жителей не сказал, чтоб я куда-нибудь спрятался, так как красные уже около станицы и могут убить. Вошли красные. Выждав удобный момент, я вышел, заявив о своем существовании. Не поверили, чуть не зарубили. Только благодаря поддержке жителей, арестовали и отправили под конвоем на станцию Тимашевскую для следования в Екатеринодар.

Станица Медведовская.

Когда мы выходили из немецкой колонии, солнце уже заходило. Дорога шла холмом, по которому был сосредоточен огонь артиллерии. Перебежали. Был отдан приказ — не курить, огня не зажигать. Дорога была сухая, пыльная. Двигались тихо, медленно, словно ошупью. То стоим часами, чего-то ждем, то бежим. Я обратился к начальнику нашего отряда:

— Не найдете ли вы возможным во время остановки обоза продвигаться дальше до передовых подвод с тем, когда под-

воды пойдут рысью, чтобы нам и вам не надо было бежать.

Он, подумав, согласился.

Обоз стал, мы дошли до первых подвод и присели на землю отдохнуть.

Тянулся легкий туман. Еле показалась луна. Чувствовалось, что скоро наступит утро. Когда тронулся обоз, то вышло так, что мы выдвинулись далеко вперед обоза. Сперва показался небольшой конный отряд. Раздался выстрел, за ним другой, пули просвистели над нашими головами. По команде легли. Конный отряд скрылся в тумане, выстрелы смолкли. Капитан приказал вернуться назад, и мы присоединились к обозу.

По обозу передавалось распоряжение генерала Маркова.

— Артиллерию вперед!

Через несколько минут проскакали два трех-дюймовых орудия. Раздалось два орудийных выстрела, за ними еще два и показалось зарево.

Проскакал верховой с криком:

— Кто может—вперед! Марков разбил броневик, конница порубила команду броневика, броневик горит—нужно спасти снаряды!

В двух верстах от станции Медведовской у переезда стоял бронепоезд. Около

него, как муравьи, суетились люди, шла ружейная и пулеметная стрельба. Обоз двинулся вперед, пошла и наша подвода. У переезда капитан приказал нам не отставать, при перебежке через полотно железной дороги впереди меня упал офицер, я перескочил через него. По левую сторону невдалеке лежала цепь. С правой стороны редкой цепью стояла спешившаяся конница и плетью подгоняла подводы и пеших. Пули жужжали, как пчелы, кто-то сзади, охнув, упал. Очутившись вне линии огня, едва переводя дух, мы остановились:

— Ну, слава богу,—сказал капитан,—набжно крестясь,—самое опасное место проскочили.

Еле дыша, с подобранной до пояса рысью, подбежал священник. Я спросил:

— Наверно тяжело было?

— Христос нес крест за спасение мира, и мне грешному тоже зачтется,—ответил поп.

— Зачем, будь покоен,—бросил один из офицеров.

Обозы длинной вереницей потянулись по косогору. На вершине холма я сглянул назад. Перестрелка все еще продолжалась. „Проскакивали“ последние подводы. Стоял беспомощный бронепоезд. Орудие, протянув свое жерло к небу, не изрыгало смертоносных снарядов.

Вскоре мы остановились на отдых. Капитан беспокойно посмотрев на нас спросил:

— А где же Николай Полуян?

— Не знаем, куда делся,—ответили.

— Как же так, вы не знаете, да ведь он же шел с вами?

Один из офицеров вернулся к станции в поисках Полуяна.

Мы, конечно, хорошо знали, где Николай Полуян.

Ночью, когда подводы, то неслись, то останавливались, один офицер, знакомый Н. Полуяна еще по реальному училищу, подошел к нему и, разговаривая, предложил бежать вместе. Условились. Нашей задачей было отвлечь внимание капитана и конвоя. Поэтому я и предложил капитану, чтобы не бежать вдогонку, а идти к передним подводам. Н. Полуян, отстав, переделался в военную форму и бежал.

Возвратившийся офицер заявил, что недалеко от броневика лежит убитый реалист. Мы притворились, что сожалеем о смерти товарища.

В это время к нам под'ехал полковник Мальцев и, узнав о гибели Н. Полуяна, тоже пособолезновал. Поговорив с нами немного и любезно распрощавшись, он уехал. Я заметил, что капитан отнесся к

нему недоброжелательно. Проводив его косым взглядом, он обратился к нам с вопросом.

— Не предлагал ли он вам перейти обратно под покровительство Кубанского Правительства. Не рекомендую переходить, вам у нас не плохо, у них хуже будет.

— У кого лучше, у кого хуже—не это важно. Когда же будет только конец нашим скитаниям. Мальцев же нам ничего не говорил.

Капитан, не отвечая, пошел к комендантской повозке.

Станица Дядьковская.

К вечеру обозы подошли к станице. Во время остановки к нам под'ехал Чадоян.

— Ну, как вам, где лучше: тут или у нас?

— Ведь у вас нет теперь разницы, вы же об'единились. Может быть, разве мы лишим, кого-либо удовольствия повесить или расстрелять нас.

— Вы подумайте и проситесь, а я поговорю с Краевым правительством.

Он раскланялся и от'ехал.

Разговоры с Мальцевым, с Чадояном, косые взгляды штабс-капитана, уговоры, что „у них нам будет лучше“, все это говорило нам, что по поводу нас идут ка-

кие-то переговоры, принимаются какие-то решения; вероятно, есть разногласия, пытаются и нас втянуть. Нам же выбирать было не из чего: белогвардейщина тут и там.

В станице, как обычно, постояв немного на площади, очутились в большом сарае. Не успели мы расположиться и осмотреться, как целыми десятками стали пригонять арестованных. Смежные сараи были переполнены, а арестованных продолжали приводить. Я насчитал арестованных больше сотни, но это были далеко не все. Под вечер капитан отдал распоряжение перевести нас в дом.

Принесли нам ужин. Целые сутки мы не видели пищи и быстро ее уничтожили.

Под утро я проснулся первым. Около нас на табурете часовым сидел поручик Наливайко (из Таганрога). Заметив, что я не сплю, от скуки или по другим каким-либо причинам, он обратился ко мне.

— Вы не спите?

— Нет, ответил я.

— А здорово вы спали, я завидовал вам.

— А разве вы всю ночь здесь сидели?

— Нет, в караул я заступил с двух часов ночи... Посмотрите какое утро хорошее. Красивый восход солнца. Тепло.

Чувствуется, что наступила настоящая теплая весна. Эх... когда уже все это кончится, — надоело.

Утро было действительно хорошее, теплое. Я сел на порог, прислонившись к двери. Напротив — сарай, двери закрыты, там полно арестованных. По двору с винтовками ходят текинцы. Постепенно перенесся мыслями в Екатеринодар, где идет, наверное, большая организационная работа. Перестраивают общественную жизнь, кипит работа, суета, в партийном комитете, в совете полно народу. Мысли прервал Наливайко, пододвинувший свой табурет к дверям. Наклонившись ко мне, он тихо сказал:

— А знаете, ведь у нас самого лучшего человека нет...

Я удивленно посмотрел на него и невольно спросил:

— Кого нет?

— Я вам под строгим секретом скажу, хотя нам всем и запретили говорить об этом, да и мало, кто знает: Корнилова убили под Екатеринодаром.

Чтобы подавить радостное волнение и расположить его к откровенности, я невинно спросил:

— Как же это могло случиться?

— Эх, вы не знаете Корнилова, вам и кажется странным! Это человек, который

отдав распоряжение, не будет сидеть ожидать пока ему доложат об исполнении, он сам пойдет посмотреть, как оно исполняется. Он всегда на передовых позициях, сам боем руководит, у нас таких больше нет. Теперь назначили главнокомандующим Деникина, это далеко не то. Армия распадется, разбредется, погибнет. Хотя-бы скорей выбраться из этой Кубани!

Мы, заложники, сделали заключение, что потерпев поражение под Екатеринодаром и не имея базы для переформирования армии и ее пополнений, белые должны уйти в более безопасное место, в районы, менее охваченные революционным движением.

Из сарая в коридор перевели шофера, адъютанта Сорокина, священника и еще двоих, нам неизвестных. Нас же переселили в кухню. Васильева с перевязанным горлом возили за собой, по всей вероятности, для того, чтобы допросить, а потом прикончить. Нам нужно было бы переговорить с ним, но нас все время изолировали от него. Все же, выбрав удобный момент, когда часовой вышел во двор и разговорился с текинцами, я через окно кухни задал Васильеву несколько вопросов. Но он, хрипя, знаками показал, что говорить не может.

Опять охрана раненых.

На другой день зашел к нам генерал Виноградов. Часовой вызвал капитана и оба они ушли в зал. Поговорили минут 10, и капитан позвал в зал меня.

— По поручению главнокомандующего добровольческой армией генерала Деникина я должен вам заявить, что, согласно решения штаба армии, вам поручается сохранение нами оставляемых раненых офицеров в ст. Дядьковской. На вашей обязанности будет лежать вести переговоры с представителями советской власти для их лечения. С этой же целью оставляется соответствующая сумма денег на их содержание. В обеспечение того, чтобы вы выполнили поручаемую вам миссию, мы берем с собой в качестве заложников арестованных местных комиссаров-большевиков, членов совета и сочувствующих большевикам крестьян в количестве около ста человек. Так что вы подумайте и дайте мне ответ для передачи главнокомандующему.

— Так как возлагаемую на меня миссию считаю серьезной, я один решать не могу, прошу разрешить посоветоваться с товарищами и, только после этого я смогу дать ответ,—ответил я.

— Могу разрешить, но не более десяти минут.

Обсудив предложение Виноградова, мы решили настаивать на освобождении трех человек: меня, Карякина и Янковского; Асаульченко и Селиванов остаются в заложниках, но как только они (штаб) узнают, что их раненые находятся в условиях, согласно преподанной инструкции, они также немедленно должны быть освобождены, совместно с заложниками, взятыми из ст. Дядьковской.

Виноградов в ответ на наше решение заявил, что он не уполномочен самостоятельно решать этот вопрос, а доложит главнокомандующему Деникину и решение его сообщит. Раскланялся и ушел.

Умолкли все, молчали и офицеры. Нам жаль было оставлять товарищей, что их ждет, что ждет нас?

Наконец, пришел Виноградов.

— Я доложил главнокомандующему Деникину, и штаб, еще раз обсудив этот вопрос, решил принять ваше предложение, но только с одним изменением. Вместо Янковского мы дадим третьим лицом шофера адъютанта вашего главкома Сорокина. Всех же остальных арестованных, мы оставляем заложниками. Но как только вами будет выполнена возложенная миссия, они

будут немедленно освобождены. На эти условия мы согласны.

— Ввиду изменения условий, разрешите мне, в свою очередь, доложить об этом своим товарищам.

— Можете доложить, только не более пяти минут, так как я и так потратил на это дело чуть-ли не три часа.

После краткого совещания мы решили принять их предложение. Виноградов добавил, что сегодня будет составлен акт о нашем освобождении и об оставлении раненых.

Пришли два члена Законодательной Рады, — не помню фамилии. Предъявив капитану документ о нашем освобождении, они предложили нам следовать с ними. Простившись с товарищами, я ушел.

Подъехал к станичному правлению, где нас ожидала масса любопытных. В комнате сидел генерал Виноградов, председатель Законодательной Рады Рябовол, заместитель его Макаренко, шесть или восемь человек станичных старост. Генералом Виноградовым было зачитано условие, точного текста которого я не помню.

В нем говорилось, что в станице Дядьковской на совесть, советской власти и ее комиссаров остаются раненые добро-

вольческой армии. На первое время оставляется двести пятьдесят тысяч рублей. Если сумма будет недостаточна, то деньги будут пересланы дополнительно. В обеспечение раненых от эксцессов, берутся заложники, частью взятые в Екатеринодаре, частью в ст. Дядьковской, всего в количестве около 100 человек. Для переговоров с советской властью и устройства раненых в каком-либо лечебном учреждении, освобождаются трое заложников: Лиманский, Карякин и шоффер (фамилии не помню). Акт подписали все, в том числе и мы.

Генерал Виноградов заявил нам:

— Вы теперь свободны. Завтра утром в шесть часов мы выступаем. После нашего выступления раненые остаются на вашем попечении и заботах.

Один экземпляр акта Виноградов взял себе, а другой вручил помощнику атамана ст. Дядьковской.

На свободе

Выйдя из правления, мы не знали куда идти. Вечерело. Казаки, о чем то оживленно споря, окружили нас. Спрашивали, откуда мы, как попали и т. д. Выручил нас подошедший инженер В. И. Винда, который пригласил нас к себе на ночлег.

В доме зажиточного казака две комнаты занимал хозяин, а остальные были предоставлены семье Винда и „историку“ Суворину, заправлявшему всей белогвардейской печатью. Когда мы вошли в комнату, Суворин сидел за столиком и писал.

Пришел заведывающий лазаретом и сообщил, что решено оставить здесь и его, как заведующего, а также четырех сестер милосердия. Под лазарет решили временно занять школу.

Еще до восхода солнца по улице стали двигаться обозы. Заведывающий лазаретом и сестры останавливали обозы с ранеными. Стоны, плач, истерика, крики, ругань.

— Подлецы, мать, вашу так! Бросаете нас теперь! Мы вам не нужны!

— Негодяи. Когда были здоровые, тогда нужны были, а теперь...

— Сволочи, так вашу—так!

Раненые вылезают из повозки, падают, ползут, рычат. Сжимая кулаки грозят уходящим. Некоторые кричат „караул“. Раздаются одиночные выстрелы,—раненые кончали с собой. И так—часа два, пока не скрылась за станицей белая армия...

Разбросанные по улицам подводы стали стягиваться к училищу. Целый день носили раненых.

Часов в 11 дня Карякин с заведывающим лазаретом выехали в Екатеринодар с докладом.

Приехал скрывавшийся при белых комиссар станицы. Решили ждать распоряжений из Екатеринодара и, в случае прибытия отряда Красной гвардии в станицу, решено было немедленно связаться с командиром отряда.

Пришли комиссар и его помощник. Телеграммы нет. Предложили им послать нарочного в ст. Медведовскую узнать есть ли там телеграмма, и если нет, то снести с Екатеринодаром, запросить срочно распоряжений. Поехал сам комиссар.

Наконец приехали члены Областного Исполнительного Комитета Волик *), Дрищ и третий, которого я не знал.

— Ну, как: жив?

Перебивая начали друг друга засыпать вопросами.

— Как видите, жив.

— А мы по тебе траур носили.

— Нам Фролкин сделал доклад о вшем расстреле. Спели похоронный марш и решили носить траур. А тут смотрим, появился Игнатов, явился Николай Полуян, за ним явился Карякин. Что такое? чтобы

*) Волик в то время был военным комиссаром.

строить Советскую власть наши ребята с того света что-ли выходят?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Деникин в своих „Очерках Русской смуты“ *) пишет:

„Врачи составили список раненых, не могущих выдержать перевозки, которых оказалось около 200, станичный сбор постановил принять их на свое попечение, оставлена была известная сумма денег, врач, сестры и несколько заложников, выведенных кубанцами из Екатеринодара, среди которых был влиятельный большевик Лиманский, давший слово сберечь раненых и исполнивший добросовестно свое обещание“.

Читающему эти строки может показаться, что, будучи заложником, я купил себе свободу, ценой спасения офицеров и выполнил „добросовестно свое обещание“, данное Деникину.

Обстоятельства сложились несколько иначе. Первоначальное заложничество не носило того характера, какой оно получило впоследствии. Мысль о нашем аресте Покровским исходила от городской думы, т.е. от меньшевиков и эс-эров, боровшихся с нами.

*) Том II, стр. 311.

Противники учли момент.

Наши партийные силы в это время разделились на две группы: одна группа поехала по области для организации вооруженной силы, чтобы обеспечить областной Съезд Советов (Ян Полуян, Меньшиков, Вишнякова и Волик), другая группа осталась подготавливать Областной Съезд Советов (Янковский, Карякин, Лиманский и Асаульченко). Отсутствие одной группы и арест оставшейся группы должен был парализовать большевистское влияние в городе, дав тем самым возможность меньшевиками эс-эрам создать себе опору в массах. Арест удался, но все потуги меньшевиков и эс-эров охватить влиянием массы оказались тщетными.

Арестовав нас, с нами в первый момент, вероятно, не расправились потому, что не были уверены в собственных силах и боялись, что расправа над нами отзовется на них самих, тем более, что в это время шло наступление революционной армии со стороны Новороссийска.

Проигранный нами бой под Энемом и Афипской тоже не давал им оснований чувствовать себя твердо, и овация, устроенная екатеринодарской буржуазией генералу Покровскому, говорила не об окончательной победе над большевиками, а скорее

была создана с целью деморализации сочувствовавшим большевикам рабочих масс.

Под давлением революционных войск, Кубанское правительство с Радой и верхушкой городской думы вынуждено было уйти из Екатеринодара. Отступление за Кубань было избрано с целью затруднить продвижение крупных сил противника, а от мелких они способны были отбиваться. С другой стороны, они рассчитывали, что между казачеством и иногородними неизбежно должно будет произойти столкновение на почве земельного вопроса и что тогда казачество пойдет с ними. Продвижение Покровского из Дворянского аула к аулу Габукай было вызвано необходимостью ускорить соединение с Корниловым, но, благодаря упорству большевиков и не сочувствию черкесов, он вынужден был метаться во все стороны. Окруженный, потеряв надежду на скорое соединение с Корниловым, он двинулся на ст. Калужскую.

Соединение сил Корнилова и Покровского все же состоялось. Проигранный бой под Екатеринодаром и смерть Корнилова деморализовали армию белых. Началось распыление белогвардейщины. Боевых запасов было по 15 патронов на бойца. Только отсутствие быстрого преследования спас-

ло их от окончательной ликвидации. Большой обоз, большое количество раненых, наседавшие красные—все это окончательно затрудняло их отступление. Им необходимо было „разгрузиться“ и это послужило причиной оставления раненых и нашего освобождения.

Это я узнал в ст. Дядьковской от белогвардейского писателя Суворина, с которым я беседовал, когда был освобожден перед отступлением добровольцев.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Испарта	3
Начало борьбы	5
Как происходил арест	7
Организация контр-революционных сил	9
Первые бои с большевиками	13
Военно-пленные	15
„Генерал“ Покровский	16
Что делать	17
Покровский отступает	21
Аул Ченжий	26
В станицу Пензенскую	28
Семенов	31
В Пензенской	33
Опять Ченжий	36
Чадоян	38
Наше заложничество	39
Кто спасся	40
Аул Саклакай	42
Аул Габукай	44
Аул Панажукай	46
Дорога в неизвестном направлении	50
Ночь в лесу	53
Станица Калужская	55
Визит Покровского	57
Станица Ново-Дмитриевская	63
Станица Афипская	67
Бой за Краснодар	72
Бой продолжается	75
Немецкая колония Долина	77
Ст. Медведовская	79
Ст. Дядьковская	83
Опять охрана раненых	87
На свободе	90
Заключение	93